

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7
EDN: GGLASB

Номо Ludens в игровом мире постправды

Ссылка для цитирования: Мамедов А. К., Комиссаров С. Н., Коркия Э. Д. Номо Ludens в игровом мире постправды // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 115–136. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7; EDN: GGLASB

For citation: Mamedov A K., Komissarov S. N., Korkiya E. D. Homo Ludens in the post-truth game world. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 115–136. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7; EDN: GGLASB

AuthorID РИНЦ: 376690

Мамедов Агамали Куламович¹

¹Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

akmnauka@yandex.ru

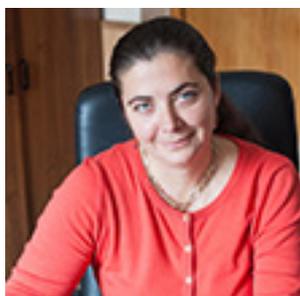

AuthorID РИНЦ: 348859

Комиссаров Сергей Николаевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

prcult@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 807461

Коркия Эка Демуриевна¹

¹Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ekakorkiya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются характеристики феномена постправды, как термина, обозначающего радикальную трансформацию СМИ, отказавшихся от свободы слова и объективности информации в угоду геополитическим интересам Запада, рассматривается содержательное наполнение концепции «постправды» в современном научном дискурсе; отмечается, что вступление цивилизации в эпоху освоения информации как ведущего

ресурса требует от научного сообщества осмысления проблематики, связанной с конечностью связи семантических объемов публичной информации с реальностью, что отражено в феномене постправды. Авторы исследуют истоки этого явления, в полной мере проявившего себя лишь в первые десятилетия XXI в. и связанного с коммуникационным «взрывом» и информационной революцией, которые возвели информацию в ранг нового глобального ресурса. Фрагментация восприятия реальности в феномене постправды выступает как средство защиты психики человека от информационного перепроизводства, в условиях которого информация используется как инструмент осуществления геополитических интересов коллективного Запада, владеющего львиной долей мировых СМИ. Авторы не склонны идентифицировать постправду исключительно с ложной информацией и предлагают рассматривать ее результат практического освоения и разнонаправленного осмысления обществом множественности реальностей, естественно присущих человеческим существам. В статье представлены способы концептуального рассмотрения феномена постправды в рамках соотнесения различных исторически значимых эволюционных состояний индивида, различающихся мотивацией коммуникативной деятельности. Четыре таких состояния (Homo Mythicus, Homo Ludens, Homo Historicus, Homo Novus) устойчиво демонстрируются условиями социального развития, однако четкое представление о том, к какому из этих видов можно отнести человека того или иного исторического периода или социально-политической группы, отсутствует. Постправда рассматривается авторами как системное явление, являющееся следствием взаимоотношений элементов трёх социальных процессов. К ним относятся: а) игроизация бытия, требующая от индивида включения в повседневный опыт множественности окружающих его реальностей; б) невротизация социальной жизни вследствие высокого информационного давления; в) трансформации СМИ, выражающейся в усилении взаимозависимости функций информирования, развлечения и идеологического влияния. Предложен способ анализа адресатов постправды через соотнесение исторически значимых эволюционных состояний индивида, различающихся способом мотивации коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: постправда, информация, коммуникация, множественные реальности, игра, СМИ, невротизация социальной жизни, Homo Ludens, Homo Mythicus, Homo Historicus, Homo Novus

О правде и неправде

Последние десятилетия наглядно показали деградацию многих социальных институтов западного общества, однако в наибольшей степени перерождение затронуло средства массовой информации, которые превратили основополагающие принципы свободы слова и объективности информации в свободу дезинформации и клеветы в угоду геополитическим интересам американского олигархата. Не случайно в этом году исполняется 30 лет со времени первого употребления термина «постправда». И, безусловно, эволюция западной журналистики эти десятилетия была направлена на овладение данным феноменом. Мы не станем всерьёз рассматривать вывод политика о нелояльных ему СМИ, пример Д. Трампа дает ясно понять, как болезненны и полны лжи могут

быть их отношения, но попытаемся разобраться в том, какие изменения в информационном сопровождении жизни и политических событий делают его «постправдой».

Согласно Оксфордскому словарю термин «постправда» был впервые употреблен в 1992 году. Однако вспышка интереса к нему произошла лишь в 2016 г., когда рост частоты употребления составил 2000% по сравнению с предыдущим годом, причем в качестве прилагательного к существительному политика [38], и большей частью¹ в контексте голосования по Brexit и выдвижения в президенты от республиканцев Д. Трампа. Определение, данное постправде в словаре, указывает на обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем эмоциональные призывы [37].

Исследователи феномена постправды М. В. Черников и Л. С. Перевозчикова полагают, что «...главным объективным обстоятельством, обусловившим кризис современного Правдо-понимания и Правдо-применения, можно считать кризис так называемой классической философии Правды, которая берёт своё начало как минимум в период Античности и оплодотворяет как теоретическую мысль, так и поведенческие практики западноевропейской цивилизации практически до второй половины XX в.» [32, с. 98]. К этому мнению, прежде всего, хотелось бы добавить, что кризис правды можно обнаружить и в Античности (минимум 534 г. до н. э.), а значит он – явление отнюдь не современное. Родоначальником кризиса правды, насколько мы знаем благодаря классическим античным письменным источникам, является Феспид, отец жанра трагедии. Плутарх пишет об этом так: «Солон, будучи от природы любопытен и охотник учиться, и в старости своей предавшись беспечности и забавам и утешая себя пиршествами и музыкою, захотел быть зрителем Феспиды, который представлял сам, по обыкновению древних. По окончании представления Солон спросил у него: “Не стыдно ли тебе так лгать в присутствии такого множества людей?” Феспид отвечал, что нет ничего дурного в том, чтобы говорить и действовать таким образом для забавы. “Да! – сказал Солон, ударив сильно в землю палкою. – Но мы, похваляя и уважая сию, вскоре найдём её в условиях и в делах наших” [20, с. 147].

А вот пример самой философии Правды, также относящийся к Солону и оставленный нам Плутархом: доказательством перед спартанским судом принадлежности острова Саламин афинянам стали как Гомеровские поэмы, так и «некоторые пифийские прорицания, в которых Саламин назван островом Ионийским» [20, с. 133]. Сегодня трудно представить, чтобы некая публикация, кроме, конечно, официальных государственных постановлений, априори считалась бы свидетельством истины, ведущим к политическим, юридическим и экономическим последствиям.

¹ О некоторых событиях этого периода официальная западная наука и даже журналистика предпочитают забыть.

Коммуникационный «взрыв», информационная революция, массовая компьютеризация, возникновение кибернетики, благодаря которой информация стала рассматриваться как нечто самостоятельное – всё это свидетельства того обстоятельства, что мы вступили в эпоху освоения информации как нового глобального и представляющегося на этом этапе в принципе неисчерпываемым ресурса, ровно как в свое время неисчерпываемыми казались ресурсы природные [37, с. 51]. Уже сегодня наступает время, когда вступать в полемику относительно конечности семантических объемов связи публичной информации с реальностью, ею описываемой, что, по нашему мнению, наиболее точно отражено в феномене постправды, необходимо.

Период «дикого» капитализма в области информации реплицируется через реализацию интерпретаций. Возникновение же такого системного явления, как фрагментации образа восприятия реальности (в феномене постправды), – это новый эволюционный этап защиты психики человека от информационного перепроизводства. Эксплуатация феномена постправды связана с капиталистическим отношением к информации, как к ничейному ресурсу, который можно обратить на свои идеологические, политические и экономические цели.

В семантическом пространстве как научного, так и общественного дискурса встречается мнение, что постправда соотносится с проблемой ложной информации. Такая интерпретация является частностью, как результат борьбы постправды с собой ради снижения источниковой конкуренции. Мы хотим предложить иную интерпретацию проблематики и предлагаем рассматривать постправду как результат практического освоения (включающего разнонаправленное осмысление) социумом множественности реальностей, естественно присущих человеческим существам. К такой интерпретации оказывается ближе всего концепция Игры – как определению образа комфортного настоящего и нас, рассматриваемых в этой системе как Homo Ludens. Решение связать феномен множественности реальностей с игровым пространством, расширяющимся по мере высвобождения ресурсов сознания от целей биологической проблемы выживания, приходит через возрастающие потребности в Игре как способе существования. И через «цифровое слабоумие», которое коренится в убеждении о малой значимости идей по сравнению с «бетонными» аргументами реальности, а также во всё большей дифференциации навыков и возможностей населения оперировать технологиями современного мира (проблемой «цифрового неравенства»).

Нельзя не увидеть в постправде последствия общемировой трансформации СМИ, которые так и не пришли к единому пониманию своей роли в обществе, что объяснимо исходной коммерческой или государственной зависимостью. Сегодня можно видеть СМИ, конкурирующие с социальными сетями, СМИ, ставшие рупором конкретных лидеров *opening-leader* этих сетей или ставшие новостными спикерами бизнес-структур. Их общая черта – отсутствие баланса между информированием

и идеологической работой с аудиторией по формированию определенного взгляда на события или мир в целом. Вместо баланса одна задача оказалась включена в другую.

Отдельно следует сказать о таком явлении как, фактчекинг¹, – инструмент, казалось бы, призванный фильтровать ложную, фейковую информацию. К высокой конкуренции на информационном рынке, побуждающей СМИ или каналы отдельных opening-leader к активному поиску информации, которую можно было бы первыми предложить своей аудитории, присоединяются риски того, что эта добытая информация является ложной или фейковой. Однако процесс проверки вовлекает новые источники, проверка которых расширяет круг источников, также требующих дополнительной проверки. В итоге ситуация приводит субъекта проверки к ситуации выбора доверенного источника знания, а по сути, источника веры. И это касается только принятия фактов как истинных. «Что же касается смысла этих фактов, то это, конечно, зависит от системы идей, в свете которых их предпочитают интерпретировать» [27, с. 55]. В итоге фактчекинг работает, как задумывался, только на самом примитивном уровне. Такие организации, как Bellingcat или WikiLeaks, несмотря на то что создавались как информационные хабы², расследующие во имя правды и информирования общественности, регулярно сталкиваются с обвинениями в деятельности в пользу вражеских спецслужб (всегда разных, что может равно свидетельствовать как об их продажности, так и о ложности обвинений). Уровня, способного проверить такие обвинения, просто не существует.

Расширение феномена постправды является следствием невротизации общества. Классификация функциональных нарушений ВНД³ по психотическому или невротическому типу⁴ – рабочий инструмент психологов и психиатров – всегда активно использовалась философами, социологами и культурологами⁵. Аналогии между психическими нарушениями индивида и проблемами общества применяли Э. Канетти, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Лакан и мн. др. К социальным проблемам, поднимаемым в этих аналогиях, относятся: маски и роли, конфликты, вызванные противоречием социальных ролей; функциональные затруднения, связанные с ростом объемов переработки информации, например, «изменения мозгового кровообращения в зависимости от стадии невроза – функци-

¹ fact (англ.) – факт, checking (англ.) – проверка.

² hub (англ.) – узел, концентратор.

³ ВНД – высшая нервная деятельность.

⁴ «По Международной классификации болезней (МКБ-10) в категорию психических расстройств входят невротические расстройства, связанные со стрессом, а также соматоформные. Традиционное разделение на неврозы и психозы в МКБ не предусмотрено, но тем не менее довольно активно используется в современной медицинской практике» [17].

⁵ В предисловии к работе Н. Лоро С. Ермаков предлагает мыслительную конструкцию, определяющую потребность в таких аналогиях: «Мы могли бы позволить себе небольшую теоретическую фантазию и сказать, что в “Разделенном городе” есть четырехугольник мыслящих – философ, антрополог, психоаналитик и историк, между которыми находится предмет: политика, политическая мысль» [10, 13].

ональная анемия или гиперемия» [33, с. 108], которую постулировал еще Мейнерт, наставник Фрейда; доказанная Жан-Мартеном Шарко¹ материальная значимость гипнотических интервенций² и др.

Ниже мы попытаемся раскрыть современную проблематику взаимоотношений элементов системы, которая получила в настоящем научном дискурсе теоним «постправда».

Множественные реальности и игра

Характеристиками «культурной логики позднего капитализма» (Ф. Джеймисон) в числе прочих являются многослойность, множественность интерпретаций. Расцветающая на этом фоне киберкультура как будто разворачивает перед нами бесконечность множества уже вполне себе возможных³ для длительного погружения реальностей. Но и без реальностей, создаваемых языками программирования, в обществе, «в котором социальная реальность структурирована дискурсами (во множественном числе)» [7, с. 657], каждый волен (а на практике обусловлен) выбирать для себя «собственную» картину мира, руководствуясь набором из двух базовых мотиваций деятельности – достижения успеха или избегания неудач. С позиций феноменологического анализа среди основных явлений, наполняющих наше бытие, наряду со смертью, трудом, господством и любовью, «столь же изначальна, как и эти феномены» [26, с. 338], присутствует игра – «не просто калейдоскоп игровых актов, но прежде всего основной способ человеческого общения с возможным и недействительным» [26, с. 342]. В этом феномене реализуется «суперсила» Homo Sapiens – сила воображения. Проницая все сферы человеческой жизни, эта суперспособность фантазировать «открывает нам возможность освободиться от фактичности, от непреклонного долженствования так-бытия, освободиться хотя бы не в действительности, а “понарошку”, забыть на время невзгоды и бежать в более счастливый мир грез. Она может обратиться в опиум для души. С другой стороны, фантазия открывает великолепный доступ к возможному как таковому, к общению с быть-могущим, она обладает силой раскрытия, необычайной

¹ Шарко показал, что «невротические симптомы порождаются самой мыслью». В доказательство Шарко вызывал с помощью внушения под гипнозом или в состоянии бодрствования искусственные параличи, которые затем снимал [29, с. 106].

² Гипнотические интервенции заключаются в активной пропаганде, информационной обработке общества в политических, религиозных или экономических интересах. «В процессе своего развёртывания имперская машина проявляет целый ряд новых признаков, таких как неограниченная область действий, их сингуляризация и символическая локализация, а также соединение всех аспектов биополитической структуры общества с репрессивным действием. За отсутствием лучшего термина мы будем продолжать называть это “вмешательством”, интервенцией. ... <- это> действия господствующей системы производства и коммуникаций в унифицированном мире» [25, с. 46]. Гипнотическим её делает отсутствие здоровой критичности к воспринимаемой информации, поскольку она исходит от источника с высоким статусом.

³ virtualis (лат.) – возможный.

по значению. Фантазия – одновременно опасное и благодатное достояние человека, без неё наше бытие оказалось бы безотрадным и лишённым творчества» [26, с. 338].

Стремление к философскому осмыслению феномена игры в человеческой деятельности можно констатировать как минимум со времен античности, а его активное практическое освоение в рамках широкого общественного дискурса принадлежит современному нам культурному этапу, и если культура сама по себе «берёт начало не как игра и не из игры, но в рамках игры» [30, с. 557], то культура общества постмодерна – это игра играми: «языковые игры» (Витгенштейн), «игры истины» (Фуко), «ритма» (Гадамер), «письма» (Барт), «науки» (Лиотар), список можно продолжать.

«Согласно теории игр, люди обладают набором игр, основанных на конкретных наборах известных взаимодействий. Другие могут играть в игры, которые достаточно запутанны, чтобы позволить разыгрывание более или менее стереотипных драм. У игр есть свои правила, своя публика и свои тайны. Некоторые люди играют, нарушая правила, по которым играют другие. Некоторые играют в необъявленные игры, делая ходы, которые может расценить как задумчивые или откровенные лишь знаток подобных тайных и необычных игр. Подобным людям – предполагаемым невротикам или психотикам, – возможно, необходимо подвергнуться церемонии психиатрической консультации, приводящей к диагнозу, прогнозам и рецептам» [13, с. 248–249]. Социологическое понимание этого высказывания основывается на том, что сквозным содержанием темы выступают «люди», а не «индивид». Речь идет о том, что социально выстроенный образ жизни в своем психическом протяжении является наиболее влиятельным фактором современного эволюционного отбора Homo Sapiens Sapiens. Не будем забывать, что это определение человеческого вида сугубо биологично, в социологическом же смысле – Homo Ludens – участник экономических и психологических игр, способность выигрывать в которых является фактором выживания в социально обусловленной среде.

Со времен (в мифологическом понимании категории времени) возникновения «Homo Historicus», начавшего придумывать свою историю как обоснование своих действий и целей в настоящем и обнажившего тем самым принцип «истолкования» себя как имплицитный способ и свойство собственного бытия, количество модусов, в которых раскрывается бытие, в том числе и современного человека, продолжает множиться¹. Таким образом, реальность всегда остается неким пространством сумрака, «...где не дано полной прозрачности, совершенной ясности, окончательной просветлённости. <...> Человеческое понимание погружает себя в мистерию, не имея возможности исчерпать её» [26, с. 84].

¹ См., напр.: Homo Confusus (Т. В. Черниговская), Homo Mobiludens (Л. А. Беляева, О. Н. Новикова) и т. п.

Утрата значения действия как социального в условиях «общества спектакля» (Г. Дебор) компенсируется уходом в микросоциальные структуры. Все наработки социальных взаимодействий переносятся в сетевые коммуникации, которые «наделены принципиально новой возможностью фиксировать и распространять личный нарратив, формируя и направляя общественные дискурсы» [6, с. 41], попутно преодолевая кризис идентичности созданием собственного зеркала из сетевого контента, в избытке поставляемого нарративом эпохи гипертекста. С позиций социального управления эта системная перестройка означает, что если раньше для эффективной реализации власти требовалось единое политическое информационное поле, то в настоящем для выполнения той задачи требуется обеспечение всех типов инакомыслия соответствующим контентом. Инструментом регулирования контента, дробления источников информации в соответствии с их идеологическим посылом выступает постправда.

Эффектом упомянутых выше аспектов системной перестройки социума становится активация творческого начала (способности к фантазии у Е. Финка) даже для организации обыденной жизни, что сближает ее с художественным произведением, а «произведения искусства, как и мозг человека, существуют вблизи неустойчивого, критического состояния» [8, с. 36]. То, что обычная жизнь – это такое же художественное произведение, как ставший популярным жанром стрим прохождения компьютерных игр, по-своему описал Й. Хейзинга: «Так человечество всё снова и снова творит своё выражение бытия, второй, вымышленный мир рядом с миром природы» [30, с. 518]. Однако и этот мир все равно небезопасен. «Игра Жизни» вызывает беспокойство и депрессию, и это не только неприятно, но смертельно опасно в психосоматическом плане, как регулярная адреналиновая буря, возникающая в результате борьбы за повседневное существование. А. Р. Уилсон замечает, что только человеку свойственно беспокоиться о самых обычных обстоятельствах, даже не достигающих уровня проблемы. Поэтому внутренний мир человека в событийном пространстве невротичен, дискретен и склонен к шизофреническому расщеплению, соответственно исполняемым социальным ролям. Эти роли значимы не сами по себе, но лишь в соответствии их представлению данному социальному пространству.

Трансформация СМИ

Сегодня постправда является заметной чертой медиа-дискурса вообще и одной из популярных тем научного анализа деятельности СМИ. Свидетельством фокусировки междисциплинарного научного подхода в сфере гуманитарных наук стали результаты научной конференции «Политика постправды в современном мире», состоявшейся в 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете, наглядно свидетельствующие о количестве работ отечественных учёных в этом направлении. Несмотря на многоплановость рассматрива-

емых исследователями аспектов, для данного этапа исследований можно сделать обобщающий вывод: качественно-количественные замеры контента ведущих СМИ показывают высокую степень субъективности (которую рассматривают и как идеологизацию) как информирующего, так и аналитического контента. Инструментальный уровень анализа выявляет также и медиатехнологии, способствующие конструированию и распространению постправды, такие как персонификация в сфере политических новостей, эмоционализация информационного контента, упрощение (схематичность), юмористическая подача, верификация и легитимация информации за счёт массовости её распространения (соцсети).

Качественные методы анализа дискурса СМИ М. В. Берендеевым заключались в исследовании его изменений. Контент предоставила «Gazeta Wyborcza»¹. На материалах 128 публикаций было показано, что «практически все инверсии привязаны к дискурсу постправды, в которых апелляция к интерпретациям или авторскому видению мира является более “сильной” конструкцией текста. Не менее 30% текстов не содержат логических выводов и доказательств, в их конструкциях лежит некоторый набор меседжей, направленных на эмоциональное восприятие массового потребителя информации, незнакомого с реалиями или их исторической и политической канвой». При этом «в структуре ранжирования СМИ играет роль не просто дискурс-транслятора, а активного агента массовой коммуникации, конструирующего международное содержание образов государств и доносящего их до широкой аудитории» (4, с. 25–26).

Анализ С. И. Кузиной был направлен на изучение заголовков французских СМИ, освещавших крупные политические события, связанные с Россией. Была показана принужденная интерпретация новостной повестки, направленная на дискредитацию политики России и лично президента В. Путина. Количественный анализ публикаций, посвященных социальнозначимым темам, позволяет описать структуру публикаций. В структуре французских новостей о нашей стране 80% публикаций было посвящено политической повестке, 20% экономике и культуре. По данным журнала «Коммерсантъ. ВЛАСТЬ» в структуре публикаций крупнейших мировых СМИ политике и международным отношениям с Россией отводится 45%, экономике и бизнесу – 36,3%, культура и спорт занимают 18%, остальные темы 0,7%. Высокая политизованность западной прессы указывает на область интересов не столько читающей публики, сколько тех, кто стоит за публикациями и определяет «повестку дня». «Понятие “постправда” стало новым названием процесса политической борьбы, идеологического противостояния, использующего как реальные факты, так и эмоциональное ими манипулирование» [10, с. 116].

Качественный анализ интернет-коммуникаций Д. С. Мартьяновым позволяет ему сделать вывод о том, что «противоречия глобализации привели к расколу элит национальных государств, а затем – к противостоянию между элитами, когда глобалистский левый дискурс столкнулся

¹ «Газета избирателя» – польская ежедневная общественно-политическая газета, одно из самых известных современных польских изданий.

с антиглобалистским правым. Поскольку речь идет не только о векторах развития и об идеологиях, но и о системах стереотипов, неизбежным стало возникновение такого информационного противостояния, которое стало принято соотносить с «политикой постправды» [14, с. 138].

Качественный анализ изменений в обществе приводит М. М. Мчедлову к уточнению понятия «постправда» и его социальной значимости. «Эпистемологическая проекция феномена “постправды” как формирующейся “реальности” связана как с постоянно используемым для описания качественно-новых современных реалий предикатом “гибридный”, так и с трансформацией критериев истинности. Востребованность его эвристического потенциала гуманитарного знания для объяснения и интерпретации “гибридных” явлений и процессов очевидна, однако сама суть гуманитарной интерпретации осложняет в данной ситуации познавательные процедуры» [18, с. 146]. Автор приходит к выводу о корреляции распространения феномена постправды и изменений политической реальности и перестройке социальности.

А. В. Свиридов, вслед за А. Г. Дугиным, связывает [22, с. 209–211] качественные исследования с изучением геополитических процессов в трансформирующемся мире.

Полагаем, в концепции постправды выразилась консолидация задач, возлагавшихся на журналистику в течение 30 последних лет:

- развлечение публики;
- информирование;
- идеологическое влияние в пользу определённого мнения.

Перестройка, осуществлённая от 1990-х гг. к третьему десятилетию XXI в., заключалась в агглютинации этих трёх основных функций, и это природа каждой публикации в СМИ. Перефразируя Карло Гольдони, современные СМИ – это уже «слуга трех господ», двое из которых народ, желающий развлечения и быть в курсе событий, а третий – «заказчик музыки» (различные группы элиты). Когда журналистика развилась настолько, что нашла способ интерактивного приспособления характера своего контента к требуемому политическому запросу, чтобы стало возможно отвечать на политические и экономические вызовы, – она стала журналистикой постправды. Это, конечно, не деградация, хотя современная журналистика абсолютно конъюнктурна. Ответственность за эту конъюнктурность принадлежит доминирующему в обществе политическому кредо. Однако качество конъюнктурности может рассматриваться не как дефектное, а как максимально эффективное для развлечения, информирования и аффектирования – эмоционального нацеливания аудитории на проблемы, наиболее важные для заказчика контента, то есть «аффективного» менеджмента.

Одна из основных задач СМИ заключается в том, чтобы информировать широкую общественность о функционировании тех политических идей, во власти которых она пребывает, то есть быть медиатором между властью и обществом. Соответственно, если СМИ начинают функ-

ционировать в соответствии с каким-либо трендом, для его понимания следует рассмотреть выгоды от данного тренда для «сторон», коммуницирующих посредством данного медиатора [37, с. 19]. В этой связи примечательно, что штатные пресс-службы при органах власти и силовых структурах стали появляться в России как раз порядка 30 лет назад. Их появление было обусловлено, с одной стороны, запросами общества, с другой – необходимостью вести агитационно-пропагандистскую работу в процессе становления нового формата российской государственности, что уже содержит в себе некий конфликт: «организация изначально генерирует новости, подающие информацию в определённом ключе, предлагая населению своего рода постправду» [15, с. 142]. Дело дошло до того, что «государство становится все менее провайдером прав, защиты, помощи и идей и все более провайдером новостных раздражителей и примитивных эмоций высокой амплитуды» [15, с. 116].

На другой стороне этой информационно-коммуникационной оси оказывается персональное сознание, витальной задачей которого является сохранение своей целостности в обстоятельствах информационного давления, та самая «аудитория», за которую ведут конкурентную борьбу ньюсмейкеры и ретрансляторы информационных потоков. Опорой для сохранения целостности становится формирование собственного «понимающего» коммуникационного пространства, разделяемого референтной группой и желательно подтвержденного офлайн, поскольку потребность в межлическом общении никто не отменял. Это сходно с формированием своего рода внутрикорпоративной культуры когда отдел бухгалтерии верит в гадалок, а отдел программистов – в инопланетян.

«...Мы оказались во множестве виртуальных коммуникативных миров. Никакому Уэльсу и не снилось, сколько реальностей на самом деле есть на Земле» [2, с. 116], а в условиях высокотехнологичного “базиса” и “надстройки” постмодернистской культуры «виртуальная реальность не менее реальна, чем физическая» [27].

Исследуя нарратив избирательной кампании Д. Трампа 2016 г. средствами риторики, Б. Маккомински делает важное наблюдение, раскрывающее механизм комплиментарности «постправдивого» контента, обеспечивший Трампу поддержку избирателей: «в его речах отображались просто “какие угодно черты личности, которые могут выиграть в борьбе за риторическую повестку дня”, поэтому в мире существует ровно столько же Дональдов Трампов, сколько существует аудиторий, причём указание на их несходство не будет иметь негативных последствий, так как “в постправдивом риторическом мире откровенная неблагонадежность может оказаться более ценной личностной чертой, нежели притворная благонадёжность”, особенно если принять во внимание все растущее недоверие даже к тем институциям, что прежде считались поборниками истины и критического мышления» [17].

Невротизация социальной жизни

То, что выдается за цифровой переход общества к новым обстоятельствам современной реальности, по своей социально-эволюционной сути является переходом к бинарной логике «свой-чужой», «хорошо-плохо», и чем больше современного человека ставят перед этим бинарным выбором, тем он больше соответствует так и оставшейся недостаточно развитой, но гениальной концепции «Homo Confusus». И тем более критерием психической неустойчивости и вызовом обыкновённой рациональности предстает активация всех его социальных страхов. Преодоление этой невротизации легко удаётся только социальным психопатам (о нашествии которых предупреждал О. Хаксли), руководствующимся вариативной логикой «и да, и нет», или шизоидам с открытой логикой «оба и». Что же касается невротиков, то их логический подход отвергает предлагаемые варианты согласно исключающей схеме «ни то, ни это», психическая норма логического выбора «то или это» также содержит куда меньше возможностей приспособиться к реальности шизоидов и психопатов, которые постепенно занимают ключевые позиции в реальном мире.

В предыдущем абзаце была отражена схематизация принципов рационального мышления, ставящая невроз ключевой проблемой современности и принуждающая подавляющее большинство «нормальных» и «тревожных» граждан порождать множественные миры постправды в целях защиты сознания от травмирующей фрустрации. В отношении человеческого благополучия Т. Шибутани увидел невроз как результат нарушений взаимоотношений, ведущий к фатальному эскапизму: «Невроз – это, по-видимому, продукт ряда нарушений в межличностных отношениях, а они могут происходить даже в очень стабильной обстановке. Но в изменяющемся обществе люди, занимающие маргинальное положение¹, периодически оказываются в ситуациях, где вероятность конфликтов со значимыми другими максимальна. Следовательно, соответственно увеличивается возможность отчуждения от самого себя» [34, с. 495]. Возникает ощущение, что автор забыл то, что написал выше, более точно и универсально определив невроз на основании учения И. П. Павлова как результат изменений шаблонов реакций, увеличивающий дистанцию между стимулом и подкреплением или потребностью в более тонкой дифференциации стимулов. Между тем в результате цифровой революции именно с такими задачами сталкивается субъект постправды. Нарушения взаимоотношений индивида может и не быть, а вот изменение шаблонов реакций и утончение критериев дифференциации поступающей информации равно для всех становятся фильтром искусственного отбора современного обывателя.

Попытка разобраться в доступных способах построения выводов из наглядных шаблонов мышления – это тяжёлое испытание для человека, желающего сохранить критичное восприятие мира постправды.

¹ Такое положение Шибутани связывает не с персональными качествами индивида, а именно с числом и качеством его социальных связей.

М. М. Бахтин полагал¹, что критичное, не подверженное уловкам социума мировоззрение доступно только человеку, исключённому из общества, но притом имеющему право на такое исключение. То есть добровольно и с желанием противопоставляющего себя обществу. Быть шутком, блаженным, пророком или попасть в липкие сети постправды – это ещё далеко не все испытания, выпавшие на долю современного внушаемого представителя вида Номо.

«Совместима ли индивидуальная свобода с высокой степенью индивидуальной внушаемости? Смогут ли уцелеть демократические институты в условиях подрывной деятельности, которую ведут изнутри демократии квалифицированные манипуляторы сознанием, поднатревшие в науке и искусстве эксплуатации внушаемости как индивида, так и толпы?» [27, с. 152] – задавался вопросом О. Хаксли. Он рассчитывал на возможность решения с помощью просвещения, образования и законодательной регуляции использования человеческой слабости. Сегодня в России общество столкнулось с недоработками во всех трёх сферах. Слабость защиты граждан со стороны закона проявляется как в росте числа мошеннических преступлений, так и низком уровне возмещения убытков потерпевшим. Методы, когда злоумышленники пользуются внушаемостью и доверчивостью граждан, сейчас часто называют социальной инженерией.

«Социальная инженерия – это искусство введения жертвы в заблуждение, когда она сама сообщает все необходимые коды и пароли аферистам. Стратегия злоумышленников заключается в игре на человеческих слабостях, чтобы заставить человека раскрыть какую-то информацию или предоставить доступ к сетям данных. Такие методы мошенники использовали всегда, и львиная доля инцидентов происходила с их применением. «Социнженерия всегда была популярной, – подтвердил CNews руководитель департамента информационно-аналитических исследований компании Т. Hunter И. Бедеров. – Но сегодня – особенно» [19]. Характер преступлений имеет корреляцию с состоянием общества. Уязвимость связана с высоким уровнем невротизации², пристрастной ограниченностью современного образования³ (вследствие невозможности управляющим образованием институтам договориться о приоритете развития широты кругозора или частных компетенций), что касается просвещения, то этот вопрос тем меньше интересен власти, чем больше требуется консо-

¹ «Им присуща своеобразная особенность и право – быть чужим и в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения. Поэтому они могут пользоваться любым жизненным положением лишь как маской» [3, с. 412].

² Психологический словарь весьма уважаемого авторства указывает на то, что невротизм нельзя путать с неврозом, что именно невротизация присуща здоровым людям и проявляется «эмоциональной неустойчивостью, тревогой, низким самоуважением, вегетативными расстройствами» [9, с. 204].

³ «Какова культура, такова и школа; от культуры зависит, станет ли школа зоной возвышающего или задерживающего развития для ребёнка. И, напротив, какова школа, такова и культура. Школа может выступать двигателем развития культуры» [1, с. 664].

лидация общества. Исходя из текущих политических условий, вряд ли стоит рассчитывать на качественный рост общественного самосознания и критического мышления в обозримом будущем [21, с. 138].

Тенденции трансформации современного общества

Когда мы хотим наименее пристрастно оценить современный этап развития общества, требуется соотнести его с исторически значимыми эволюционными состояниями. К таким состояниям можно отнести Homo Mythicus, которое, согласно популяризатору этого названия Ж. Сорелю, наступает, как состояние готовности к политическому поступку, «...когда страстью одушевляются массы, мы можем описать картину, образующую социальный миф» [18, с. 49]. М. Я. Гефтер отмечал, что в этом состоянии человек провел большую часть исторической жизни. Он же оставляет нам подсказку, когда говорит о нем, что надо видеть именно «миф как способ жизни человека» [5, с. 40]. Представление о том, что человек является носителем качества, по которому можно назвать наш вид, нельзя приписать конкретному историческому периоду или конкретной социально-политической группе. Такое качество необходимо соотносить с другими качествами, определяющими локальный исторический этап или социально-политическую группу, то есть достаточно устойчиво демонстрируемыми тенденциями социального развития. Применительно к феномену постправды в настоящем нас интересуют четыре из них: Homo Mythicus, Homo Ludens, Homo Historicus, Homo Novus.

Причин, по которым мы рассматриваем именно эти состояния общества, – три. Во-первых, историческая близость/актуальность, во-вторых, их социальная значимость/актуальность, в-третьих, эти состояния представляют собой легко читаемую и взаимосвязанную систему, обусловленную параметрами различия своего потенциала относительно среды и источника ресурсной опоры.

Таблица 1 (Table 1)

Корреляция поведения *Correlation of behavior*

Сравнение состояний	Внутренний	Внешний
Потенциал	Homo Mythicus	Homo Historicus
Ресурс	Homo Ludens	Homo Novus

О первых двух, Homo Ludens и Homo Mythicus, мы упоминали выше. Отметим, вряд ли случайно совпадение черт, господствующих в обществе акцентуаций¹, с представленными видами Homo.

¹ Т.е. черт, определяющих индивидуальность, о которых К. Леонгард говорит как о конечном числе типов, которые можно соотнести с психическими формами девиаций [9, с. 446].

Определённая связь, конечно, существует, и её предстоит выявить. По нашему мнению, Homo Ludens сегодня отражает нормативную группу, следующую задаче отбора социальных принципов и приспособляющую складывающуюся реальность, в основном информационную, к собственной системе поиска стратегий выживания биологического вида. Именно они руководствуются логикой выбора: «или, или». Именно они пытаются отпозиционироваться от носителей исторического наследия, ведомых ностальгическими образами, не имеющими ценности в настоящем Homo Historicus. Диагонали в приведенной таблице занимают субъекты, качества которых находятся в контрарных отношениях.

Homo Historicus в нашем представлении указывает на критерии мировоззрения, заключающиеся в соотношении текущих вызовов с прежним опытом решений. Чисто исторический [36, с. 16] взгляд на феномен указывает в его лице на утраченный хронотоп. То есть Homo Historicus – это «прошлый» человек, бытие которого закончилось в прежних веках. Взгляд культурологический и социологический замечает, что прошлое не данность, а результат конструирования, тщательного отбора из множества разрозненных событий той цепи, которая сможет лучше объяснить, охарактеризовать нас в настоящем. Бахтин, анализируя Гёте, пишет, что, конструируя своё прошлое, мы планируем будущее [3, с. 300–301]. Гефтер указывает, что «человек – это существо, которое изобретает прошлое. Отсюда выросла отрасль знания, где эта творческая игра приобретает форму реконструкции прошлого» [5, с. 172]. А также про значимость образа: «Мир сокрушает человека лавиной фактов, но образ – это мост над миром!» [5, с. 273]. То есть там, где присутствует идеология, там происходит процесс рационализации эмоционального прошлого. Образ отца, деда или далекого предка становится путеводной нитью нашего настоящего. Мы продолжаем опасаться будущего, но нам не надо более его планировать, ведь у нас есть «одна цель – один путь». Логика, которой пользуется Homo Historicus, – это логика невротизма, поскольку заключается в отвержении наличествующих возможностей, уклонении от любых испытаний и следовании путем наименьшего сопротивления.

Среди типов нашего паноптикума субъектов постправды осталось сказать только про Homo Novus, чье психопатическое отношение к реальности следует чёткому мотиву достижения. Ценности, представляющиеся такому сознанию, исключительно рафинированы: признание, известность, власть, деньги. Происхождение определения связывают с очень древней историей: «Homo Novus. Так называли человека, не принадлежащего к сословию сенаторов, который первым в своем роду добивался или добился избрания в консулы» [31, с. 37], то есть субъекта, способного к преодолению социальных, финансовых препятствий и других стратификационных преград. Есть более современная трактовка [25], которая обусловлена ограниченной позицией наблюдателя, где Homo Novus предстает человеком будущего, которого ещё только планируется выпестовать в результате образования и воспитания. В этом ключе мы ничего не знаем о нём.

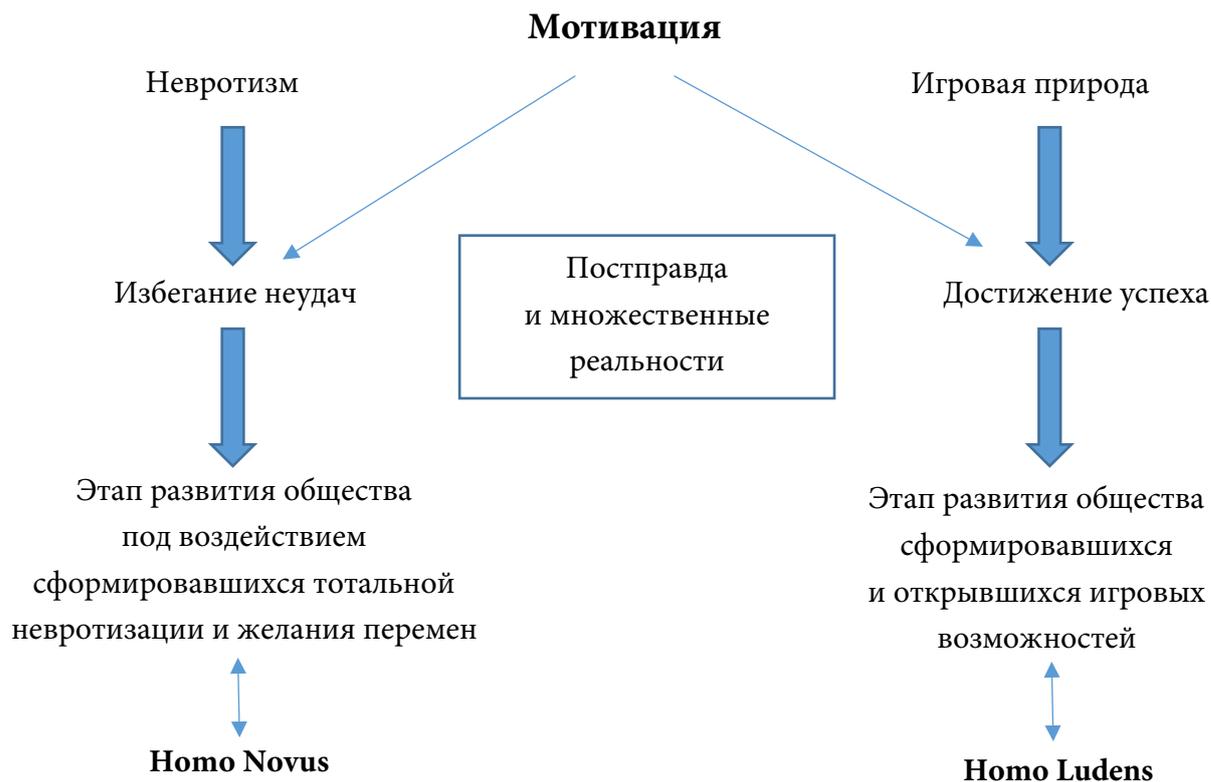

Рис. 1. Мотивационное поле личности
 Figure 1. Motivational field of personality

Заключение

В статье представлены способы концептуального рассмотрения феномена постправды в рамках современного научного дискурса и анализа адресатов постправды путём соотнесения исторически значимых эволюционных состояний индивида, различающихся мотивацией коммуникативной деятельности. Выделяя четыре состояния (Номо Mythicus, Номо Ludens, Номо Historicus, Номо Novus) как устойчиво демонстрируемые тенденции социального развития, авторы приходят к выводу, что конкретному историческому периоду или конкретной социально-политической группе нельзя приписать чёткое представление о том, что человек является носителем качества, по которому можно отнести его к одному из вышеуказанных видов. Рассматривая их более подробно, авторы сравнивают их с точки зрения потенциала и ресурса этих типов как субъектов постправды. Методологическое значение имеет авторская позиция, состоящая в том, что говорить о феномене постправды можно там, где обнаруживается её субъект.

Предлагая описанные выше модусы Номо как наиболее крупное членение, имеющее семантическую природу различения сути ее сообщений, адресатов постправды, авторы приходят к выводу, что различия, заложенные в роде адресатов, определяют как сам факт возникновения

феномена постправды, так и её риторику. Поскольку «между прекрасными вещами этого здешнего мира установлены и закреплены традицией, освящены религией и официальной идеологией ложные и искажающие подлинную природу вещей связи» [3, с. 420]. С этой точки зрения Homo Ludens и Homo Novus представляют собой – особенно на фоне происходящих трансформаций медиакоммуникационной сферы – наиболее социально активные и прогрессивные – с точки зрения повышения уровня организации и усложнения внутренних связей – силы [35], разделённые не только типом мотивации, но и отношением к поступающей информации.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: ИПП; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 768 с.
2. Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012. 447 с.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.) / Ред. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. М.: Русское слово, 2012. 877 с.
4. Берендеев М. В. Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе (Россия в польском кейсе) // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
5. Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством: опыты политические, исторические и теологические о Революции и Советском мире как Русском. Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. 398 с.
6. Горлач М. Е. Преодоление пессимизма концепции постмодернизма // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 39–42. DOI: 10.24158/fik.2021.9.6.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Ин-т Гайдара, 2019. 808 с.
8. Евин И. А. Искусство и синергетика. М.: Едиториал УРСС, 2004. 164 с.
9. Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
10. Кузина С. И. Постправда в процессах формирования политического имиджа России // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.

11. Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. В. Лещинской. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 446 с.
12. Лоро Н. Разделённый город: Забвение в памяти Афин / Пер. с фр., предисл. и примеч. С. Ермакова. М.: НЛО, 2021. 360 с.
13. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
14. Мартьянов Д. С. Факторы политики постправды и неовиртуальность // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
15. Мовчан А. Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума. М.: Альпина Паблишер, 2019. 598 с.
16. Мораев Ф. В. Феномен постправды в повседневной работе пресс-служб региональных органов исполнительной власти (на примере Ленинградской области) // Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
17. Морозов А. В. Ответ на вопрос: что такое постправда? Перспектива проблематологии [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 93–105. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1048> (дата обращения: 18.08.2022). DOI: 10.17805/ggz.2019.3.8.
18. Мчедлова М. М. Эпистемологическая проекция феномена «постправды» // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
19. Патракова А. В России выросло число денежных афер. Половина мошенничеств через банкоматы связана с социальной инженерией [Электронный ресурс] // CNews. 2022. 20 мая. URL: доступа: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-05-20_v_rossii_vyroslo_chislo_denezhnyh (дата обращения: 18.08.2022).
20. Плутарх (ок. 45–ок. 127). Сравнительные жизнеописания / Полн. пер. с древнегреч. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 1503 с.
21. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб., 2012. 210 с.
22. Свиридов А. В. Постмодерн и постправда в контексте геополитических трансформаций // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
23. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. 293 с.
24. Уилсон Р. А. Психология эволюции / Пер. с англ. М.: ООО ИД «София», 2006. 304 с.
25. Фанталов А. Н., Малязина М. А. Номо повус и деятельность И. И. Бецкого на ниве российского Просвещения // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 161–166.

26. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / Пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.
27. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир / Пер. с англ. А. Анваера. М.: АСТ, 2019. 192 с.
28. Ханин З. Ближневосточная политика в «эпоху Трампа» – взгляд из Иерусалима [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8CWne66jtus&t=304s>, свободный (дата обращения: 08.07.2017).
29. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
30. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. Номо ludens. Эссе / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 1232 с.
31. Цицерон М. Т. (106–43 до н. э.). Диалоги: О государстве. О законах / Пер. с лат.; изд. подгот. И. Н. Веселовский и др. М.: Наука, 1966. 224 с.
32. Черников М. В., Перевозчикова Л. С. Проблема правды в современном обществе // *Философия и общество*. 2019. № 1. С. 95–110. DOI: 10.30884/jfio/2019.01.06.
33. Шерток Л., де Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда / Пер. с франц., вступ. ст. Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1991. 288 с.
34. Шибутани Т. Социальная психология / Пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 544 с.
35. Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. 939 с.
36. Номо Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: в 2 кн. Кн. I / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2003. 797 с.
37. Korkiya E. D., Mamedov A. K., Vasiliev A. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 5103–5108.
38. Korkiya E. D., Mamedov A. K. Features of self-design in the virtual world // *Социодинамика*. 2022. № 3. С. 1–22. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.3.37580.

Получено редакцией: 9.10.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мамедов Агамали Куламович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Комиссаров Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором исследований социокультурных и медиакоммуникаций, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Коркия Эка Демуриевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7

EDN: GGLASB

Homo Ludens in the Post-Truth Game World

Agamali K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: akmnauka@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2607-7546

Sergey N. Komissarov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: prcult@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5154-3385

Eka D. Korkiya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: ekakorkiya@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3136-8433

For citation: Mamedov A K., Komissarov S. N., Korkiya E. D. Homo Ludens in the post-truth game world. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 115–136. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7; EDN: GGLASB

Abstract. The article analyses the characteristics of the phenomenon of post-truth as a term denoting a radical transformation of the media, that abandoned freedom of speech and objectivity of information in favour of the geopolitical interests of the West, considers the content of the concept of “post-truth” in modern scientific discourse; it is noted that the entry of civilisation into the era of mastering information as a leading source requires the scientific community to comprehend the problems associated with the finiteness of the connection between the semantic volumes of public information and reality, that is reflected in the phenomenon of post-truth. The authors explore the origins of this phenomenon, that fully manifested itself only in the first decades of the 21st century and is associated with the communication “explosion” and the information revolution, that elevated information to the rank of a new global resource. The fragmentation of the perception of reality in the phenomenon of post-truth acts as a means of protecting the human psyche from information overproduction, where information is used as a tool for implementing the geopolitical interests of the collective West, that owns the lion’s share of the world media. The authors are not inclined to identify post-truth solely with false information and suggest considering it as the result of practical assimilation and multidirectional understanding by society of the multiplicity of realities naturally inherent in human beings. The article presents ways of conceptual consideration of the phenomenon of post-truth in the framework of correlating various historically significant evolutionary states of an individual, differing in the motivation of communicative activity. Four such states (Homo Mythicus, Homo Ludens, Homo Historicus, Homo Novus) are consistently demonstrated by the conditions of social development, but there is no clear idea to which of these types a person of a particular historical period or socio-political group can be attributed to. Post-truth is considered by the authors as a systemic phenomenon, that is a consequence of the relationship between the elements of three social processes. These include: a) gamification of existence, requiring the individual to participate in everyday experience of the plurality of surrounding realities; b) neuroticisation of social life due to high information pressure; c) the transformation of the media, that is expressed in the increased interdependence of the functions of information, entertainment and ideological influence. The authors propose a method for analysing post-truth addressees through the correlation of historically significant evolutionary states of an individual, that differ in the way of motivating communicative activity.

Keywords: post-truth, information, communication, multiple realities, game, media, neuroticisation of social life, Homo Ludens, Homo Mythicus, Homo Historicus, Homo Novus

References

1. Asmolov A. G. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov [Cultural and historical psychology and the construction of worlds]. Moscow, IPP, Voronezh, NPO «MODEK», 1996: 768 (in Russ.).
2. Asmolov A. G. Optika prosveshheniya: sociokul'turnye perspektivy [Optics of enlightenment: sociocultural perspectives]. Moscow, Prosveshcheniye, 2012: 447 (in Russ.).
3. Bakhtin M. M. Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.) [Collected works: in 7 vol. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961)]. Ed. S. G. Bocharov, V. V. Kozhinov. Moscow, Russkoye slovo, 2012: 877 (in Russ.).
4. Berendeev M. V. Inversion of the image of the country and the politics of post-truth in media discourse (Russia in the Polish case). In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
5. Gefter M. Ya. Tret'yego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom: opyty politicheskoye, istoricheskoye i teologicheskoye o Revolyutsii i Sovetskom mire kak Russkom. Mikhail Gefter v razgovorakh s Glebom Pavlovskim [There will be no third millennium. Russian history of the game with humanity: political, historical and theological experiences about the Revolution and the Soviet World as Russian. Mikhail Gefter in conversations with Gleb Pavlovsky]. Moscow, Evropa, 2015: 398 (in Russ.).
6. Gorchach M. E. Overcoming the pessimism of the concept of postmodernism. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2021: 9: 39–42 (in Russ.). DOI: 10.24158/fik.2021.9.6.
7. Jamison F. Postmodernism, or the Cultural Logic of late capitalism. Transl. from Eng. by D. Kravchik; ed. by A. Oleynikov. Moscow, In-t Gaidara, 2019: 808 (in Russ.).
8. Evin I. A. Iskusstvo i sinergetika [Art and synergetics]. Moscow, Editorial URSS, 2004: 164 (in Russ.).
9. Kratkiy psikhologicheskij slovar' [A brief psychological dictionary]. Comp. L. A. Karpenko; gen. ed. by A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. Moscow, Politizdat, 1985: 431 (in Russ.).
10. Kuzina S. I. Post-truth in the processes of forming the political image of Russia. In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
11. Leonhard K. Aktsentuirovannyye lichnosti [Accentuated personalities]. Transl. from Germ. by V. Leshchinskaya. Moscow, EKSMO-Press, 2001: 446 (in Russ.).
12. Loro N. The Divided city: Oblivion in the Memory of Athens. Transl. from Fr., preface and note by S. Ermakov. Moscow, NLO, 2021: 360 (in Russ.).
13. Lang R. D. Raskolotoye «YA» [Split “I”]. St. Petersburg, Belyy Krolik, 1995: 352 (in Russ.).
14. Martianov D. S. Factors of post-truth politics and neovirtuality. In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
15. Movchan A. Russia in the post-Truth era: Common sense against information noise. Moscow, Alpina Publisher, 2019: 598 (in Russ.).
16. Moraev F. V. The phenomenon of post-truth in the daily work of the press services of regional executive authorities (on the example of the Leningrad region). In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
17. Morozov A. V. The answer to the question: what is post-truth? Perspective of problematology. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2019: 3: 93–105. Accessed 18.08.2022. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1048> (in Russ.).
18. Mchedlova M. M. Epistemological projection of the phenomenon of “post-truth”. In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
19. Patrakova A. The number of money scams has increased in Russia. Half of ATM fraud is related to social engineering // CNews. 2022. May 20. Accessed 18.08.2022. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-05-20_v_rossii_vyroslo_chislo_denezhnyh (in Russ.).

20. Plutarch (ca. 45–ca. 127). *Sravnitel'nyye zhizneopisaniya* [Comparative biographies]. Full transl. from ancient Greek. Moscow, Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2006: 1503 (in Russ.).
21. Rubinstein S. L. *Chelovek i mir* [Man and the world]. St. Petersburg, 2012: 210 (in Russ.).
22. Sviridov A. V. Postmodern and post-truth in the context of geopolitical transformations. In *Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip.* Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
23. Sorel J. *Razmyshleniya o nasilii* [Reflections on violence]. Moscow, Falanster, 2013: 293 (in Russ.).
24. Wilson R. A. *Psikhologiya evolyutsii* [Psychology of evolution]. Transl. from Eng. Moscow, OOO ID "Sofia", 2006: 304 (in Russ.).
25. Fantalov A. N., Malyazina M. A. Homo novus and I. I. Betsky's activity in the field of Russian Enlightenment. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019: 3 (43): 161–166 (in Russ.).
26. Fink E. The main phenomena of human existence. Trans. from Germ. by A. V. Garadzha, L. Yu. Fukson. Moscow Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2017: 432 (in Russ.).
27. Huxley O. Return to the brave new world. Transl. from Eng. by A. Anvaer. Moscow, AST, 2019: 192 (in Russ.).
28. Khanin Z. Middle East politics in the "Trump era" – a view from Jerusalem. Accessed 08.12.22. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8CWne66jtus&t=304s> (in Russ.).
29. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Transl. from Eng., ed. by G. V. Kamenskaya, M. S. Fetisova. Moscow, Praksis, 2004: 440 (in Russ.).
30. Huizinga J. *Autumn of the Middle Ages. Homo ludens. Essay. Comp., preface. and transl. from Netherl. by D. V. Silvestrov; comment by D. E. Kharitonovich.* Moscow, KoLibri, Azbuka-Atticus, 2019: 1232 (in Russ.).
31. Cicero M. T. (106–43 BC). *Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues: About the state. On the laws]. Trans. from lat.; ed. prepar. by I. N. Veselovsky [et al.]. Moscow, Nauka, 1966: 224 (in Russ.).
32. Chernikov M. V., Perevozchikova L. S. The problem of truth in modern society. *Filosofiya i obshchestvo*, 2019: 1: 95–110 (in Russ.). DOI: 10.30884/jfio/2019.01.06.
33. Shertok L., de Saussure R. *Rozhdeniye psikhoanalitika. Ot Mesmera do Freyda* [The birth of a psychoanalyst. From Mesmer to Freud]. Trans. from Fr., introduce. by N. S. Autonomova. Moscow, Progress, 1991: 288 (in Russ.).
34. Shibutani T. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Transl. from Eng. by V. B. Olshansky. Rostov-on-Don, Feniks, 1999: 544 (in Russ.).
35. *Entsiklopedicheskiy sotsiologicheskii slovar'* [Encyclopedic sociological dictionary]. General ed. by G. V. Osipov. Moscow, ISPI RAN, 1995: 939 (in Russ.).
36. *Homo Historicus: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. L. Bessmertnogo* [Homo Historicus: To the 80th anniversary of the birth of Yu. L. Immortal]. In 2 books. Book I. Ed. by A. O. Chubaryan. Moscow, Nauka, 2003: 797 (in Russ.).
37. Korkiya E. D., Mamedov A. K., Vasiliev A. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse. *EurAsian Journal of BioSciences*, 2020: 14: 2: 5103–5108.
38. Korkiya E. D., Mamedov A. K. Features of self-design in the virtual world. *Sociodinamika*, 2022: 3: 1–22. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.3.37580.

The article was submitted on: October 9, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agamali K. Mamedov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, head of department of sociology of communication systems, Lomonosov Moscow State University

Sergey N. Komissarov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Research Sector of Socio-cultural and Media Communications, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Eka D. Korkiya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of sociology of communication systems, Lomonosov Moscow State University